

Михаил Петров

Тени и Тайны Старого Таллинна

Часть I.

Таллинн. Covid 21

Гамлет и призрак. Эжен Делакруа. 1843.

© 2021 Михаил Петров, оформление
petrov@infonet.ee

Мёрлок: призраки и привидения

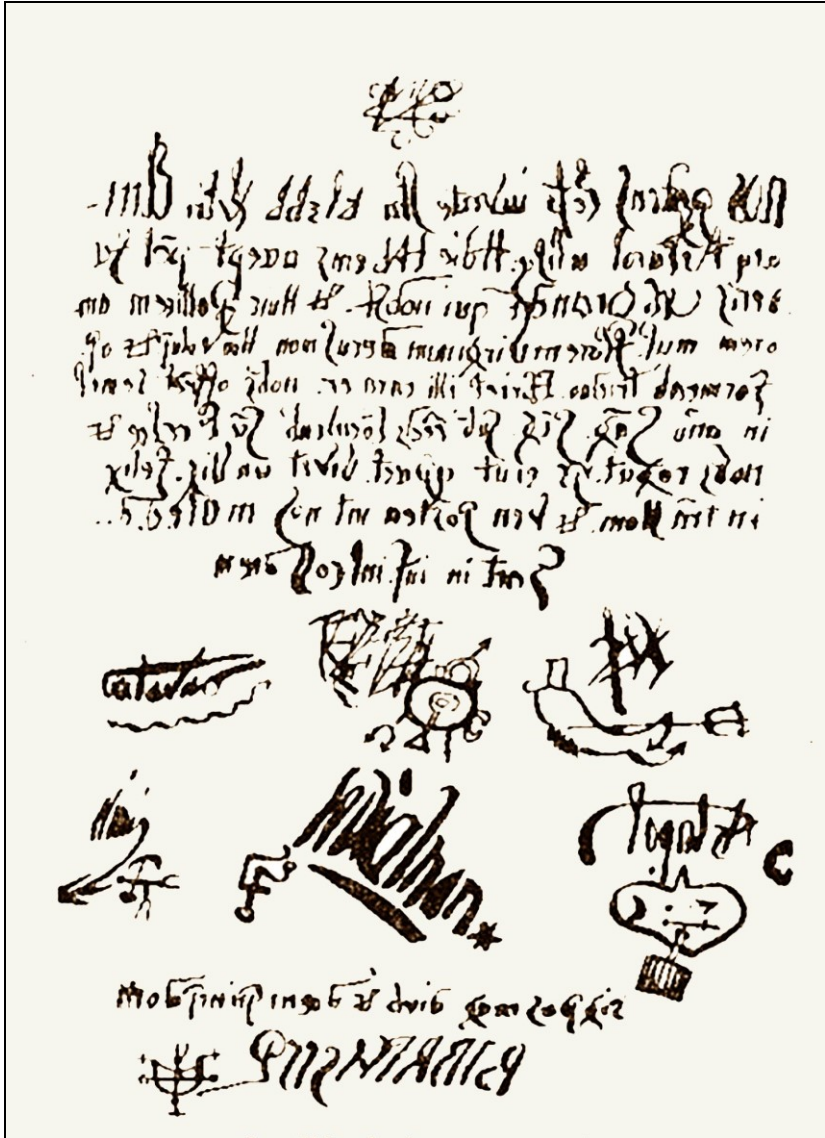
Человек я православный и ни в какую оккультную хрень не верю: опрокинутая солонка – это только солонка, чёрный кот — это только чёрный кот, пятница 13-е — это только пятница, Юпитер в верхнем доме — это только планета, никакого физического воздействия на нашу жизнь не имеющая.

Что же касается церковного воззрения на бесовщину, то я не теолог и не священник и не моего ума это дело, хотя я признаю, что такое явление как *какодемонomania* — древне греческое *κακόδς*, т.е. злой дух или демон и *μανία* — страсть, безумие, отнюдь не устаревшее понятие, как это считает современная, к слову сказать, атеистическая психиатрия. Отчётливые следы какодемонomanии можно найти, например, и у Гумилёва, и у Блока.

Игорь-Северянин преклонялся перед гением рано умершей поэтессы Мирры Лохвицкой, а ведь у неё был свой пунктик — ей во всём чудились бесы. Между тем её стихи прелестны, а драма в стихах «Бессмертная любовь» — это готовый, тщательно разработанный сценарий для фильма ужасов в готическом стиле. В финале героиня умирает под пытками любимого мужа, за то, что прежде, тоскуя по нему, она обратилась за помощью к дьяволу:

Как высоки, как узки наши окна!
Как здесь темно и тускло, и мертво!
О, что за жизнь! И сколько слез пролито,
И сколько дней бесследно отошло.
Иль это солнце, робкое над нами,
Могло светить и греть лишь в те года —
Свободные, свободному народу?
Для нас оно в туманы облеклось,
И нет тепла в глубоком нашем склепе.
О, если бы сам дьявол пожелал
Мне предложить забвение за душу —
Я подписала-б кровию моей
Тот договор. Забвенья! Счастья, счастья!
Один лишь миг— и душу за него!

Относительно достоверен лишь один факт — подпись дьявола на договоре с аббатом Грандье, хранящемся в Парижской библиотеке. Грандье обвинялся в сношениях с дьяволом. Дело было громкое. Однако не исключена фальсификация в угоду кардиналу Ришелье. Дьявол не любит оставлять следов.

Договор подписан Люцифером, Левиафаном, Вельзевулом
и ещё парочкой низших демонов.

Преданий много, но лишь одно из них относительно достоверно. Реформатор католической церкви Мартин Лютер год скрывался в замке Вартбург. Время провёл практически в одиночестве, религиозном экстазе и ночных молитвах. Ему неоднократно являлся сам дьявол в образе блуждающих огней (?), чертёнка или свиньи. Лукавый даже подкладывал в постель реформатору ореховую скорлупу (?), чтобы лишить его сна. Чертёнок не обещал Лютеру все царства мира — не по Сеньке шапка, зато мог под утро спустить по ступеням лестницы забытое ведро или что ещё. Ну, не искушение Христа в пустыне! И всё же: реформация — очевидное зло — расколола католическую церковь и многих тогда ввела в искушение и соблазн.

Вообще-то говорят, что дьявол приятный собеседник, но Лютеру он не понравился и однажды, крайне раздражённый назойливостью мёрка, реформатор запустил в чертёнка чернильницей. Позже в комнате Лютера был устроен музей. Любопытствующим показывали периодически появляющееся на стене чернильное пятно. В 1712 году славный город Вартбург посетил знатный русский путешественник Пётр Алексеевич. Он обследовал кляксу и даже потёр её слюнявым пальцем. В книге посетителей можно прочесть: «*Чернила новые, и совершенно сие неправда*». Ничего удивительного в том, что интерес к психическому состоянию реформатора церкви подогревают с помощью дьявольской уловки.

Я не верю в инопланетян, но охотно допускаю, что существуют многочисленные и разнообразные неопознанные летающие объекты — UFO, на которых спекулируют все, кому не лень. Однако опознайте, тогда и поговорим предметно, а пока — увольте! Мёрки — визуальные, слуховые, тактильные и даже цифровые — это тоже пока неопознанные явления, объяснять которые единственно проделками лукавого, бесовщиной было бы неосторожно (не вполне научно).

Привидения и призраки — тема, которая будоражит воображение и не устаревает тысячелетиями. Следует различать собственно призраки и привидения. Хотя то и другое — *марá, манá, мёрок, блазн*, но всё же есть тонкое, едва уловимое различие. Призрак не всегда привидение. Собственно, призрак — это обманчивое видение, визуальная конструкция, если хотите, *déjà vu* или *fata Morgana*, словом, мираж — рефракция места или реального события, состоявшегося в прошлом или происходящего за горизонтом на другом краю земли.

Таковы, например, видения воды и оазисов в пустыне или призраки солдат, появляющиеся на местах сражений. В Британии — это распространённое явление. Почти всегда римляне (!) заняты своим делом: маршируют по дороге, совершают манёвры на поле брани, раз-

бывают биваки или сражаются. При этом они совершенно не обращают внимания на нашу жизнь. Внятных научных объяснений феномену нет.

Привидение — это призрак, независимо от его формы, ассоциирующийся с покойником, чья душа по какой-то причине застряла в мире живых. Привидение всегда стремится завладеть нашим сознанием и чувствами на визуальном, вербальном или тактильном уровне: напугало, дохнуло холодом, коснулось, воззвало к мщению, позвало за собой, указало на убийцу или на тайник с кладом, и т.д.

Самый впечатляющий литературный пример — тень Гамлета-старшего, вдохновившая Гамлета-младшего устроить кровавую резню в Эльсиноре. Тень визуально завладевает вниманием принца Гамлета и вступает с ним в вербальный контакт, мотивируя принца к совершению мести. Гамлета старшего видит и слышит только Гамлет младший. В целом вполне достоверное литературное описание явления.

Избирательность общения — это свойство присущее только привидениям, причём, если явление выбрало вас, то от общения с ним практически невозможно уклониться. Это и есть синдром принца датского: явление нематериального характера не может физически воздействовать на окружающий нас мир, говорить и веять холодом, с ним вообще невозможно никакое общение. Но свидетели слышат голоса и чувствуют изменение температуры. Современники Шекспира воспринимали привидения и связанные с ними тактильные причуды несколько иначе, зато наши современники воспринимают их через призму литературного персонажа, хотя на деле — это лишь игра воображения.

Швейцарские учёные выяснили, что ощущение присутствия рядом привидения возникает, когда мозг человека по какой-то причине — из-за болезни, чрезмерной усталости или стресса — на мгновение перестаёт «ощущать» местонахождение тела. Мозг человека создаёт общее самовосприятие из нескольких репрезентаций тела в пространстве. Если процесс по какой-то причине нарушается, то какие-то из этих репрезентаций начинают восприниматься телом как «присутствие» чего-то постороннего, что людьми нередко интерпретируется как появление привидения.

Репрезентация — *представление* — многозначное понятие, которое употребляется в истории, философии, психологии, социологии, культурологии, и т.д. Употребляется за неимением полного в смысле конкретности русского аналога. Забавное наукообразное объяснение, которое ничего по существу не объясняет.

Ещё раз: берегите свои репрезентации! Следите за репрезентациями своего тела в пространстве!

А вот призрака может увидеть каждый, если будет внимателен и открыт к восприятию окружающей реальности.

В силу неясных причин привидения — это почти всегда ночные твари, в то время как призраки обожают утреннюю или вечернюю зарю. Часто это время до восхода солнца — уже не тьма, но ещё и не свет или время сразу после захода солнца — сумерки перед наступлением тьмы. Таллиннский фокус состоит в том, что период наибольшей активности призраков приходится на период с конца апреля по конец июня, т.е. на белые ночи. Призраки не любят жаркую погоду, дождливую осень и короткие зимние дни. По всей видимости, мара́ — навязание, обман чувств, наконец, романтическая грёза — чувствительна к температуре воздушной среды и к её оптическим свойствам.

Интерес к теме проявился на фоне любопытства к неформальной городской топонимике. Некоторые истории я слышал ещё в детстве, но значительная часть приобретений относительно свежая. Как минимум два раза в жизни я и сам попался на бесовские проделки. Причём оба раза на католическое Рождество — 24 декабря.

В первый раз, покидая Ригу по Бривибас, попал в плотный снегопад и часа через полтора вместо границы въехал обратно в Ригу, но уже с противоположной стороны! И ведь по дороге в Ригу было мне предостережение: зима была бесснежная и за Пярну на чёрном льду я вылетел с дороги. На машине ни царапины. На обратном пути ровно на том же месте, но уже на мокром снегу, обгонявшая меня фура сдула Datsun Cherry в кювет. И вновь ни царапины. Только внезапное облегчение, а потом страх. Так что в эфир «Радио Таллинн», куда я так торопился в тот вечер, я не попал. Заночевал на выезде из Пярну, употребив без малого бутылку коньяка в целях подавления беспокойного глоссандо новых мироощущений.

В другой раз съёмочная группа ЭТВ в Берлине погрузилась в поезд до Санкт-Петербурга. В Литве наш вагон должны были отцепить от поезда и подцепить к составу в Ригу. На радостях мы пошли продать остатки сырокопчёной колбасы под ресторанный омлет и коньяк. За столом к нам присоединился немец-студент лет двадцати в круглых очках с весьма приличным русским языком. Болтая с ним, мы забыли обо всём на свете. Наконец, одна из трёх девиц решила отдохнуть в купе. Через несколько минут вернулась трезвая и объявила, что нашего вагона нет. И проводницы нашей тоже нет. Успокоили, как могли, отпоили коньяком и она, снова пошла в купе. Вернулась в ужасе: наш вагон отцепили ещё в Литве, скоро последняя станция в Латвии, а дальше граница и Россия.

Исчезновение немчика-бесёнка никто не заметил, зато через десять минут мы оказались на улице, кто в шлёпанцах на босу ногу, а кто в спортивном костюме на голое тело. И вот 24 декабря, время около полуночи. До Риги далеко. Лёгкий снежок. Вокруг тьма египетская. И только над платформой поскрипывает жёлтый фонарь. Денег и документов нет. Тихонько так и с присвистом хлюпают сразу три девичьи носопырки. Грустно. Бесовщина чистой воды!

* * *

Проблема в том, что истории о привидениях, призраках, барабашках и прочих неопознанных явлениях редко становятся достоянием широкой общественности, поскольку рождаются и циркулируют в определённой социальной и профессиональной среде. В советское время такие истории, ставшие достоянием общественности, рассказывали на кухне и под большим секретом. Рассказчик всегда имел в виду чисто гипотетическую возможность оказаться в дурке. По этой причине молчали лётчики и космонавты, наблюдавшие UFO. Риск не пройти очередную медкомиссию был слишком велик. Та же история с медиками и военными.

И, да, господа скептики мы имеем дело с устной традицией, а не с бухгалтерскими отчётами. Миф может заметно отличаться от реальности с поправкой на *profession de foi*. Наконец, призраки и привидения исчезают вместе с изменениями или исчезновением среды обитания.

* * *

Частое наблюдение феноменов есть некая форма деформации коллективного сознания как результат специфической профессиональной деятельности и, отчасти, неустроенного быта.

* * *

Официальная — академически история города мертва.

Неофициальная — полна жизни и приключений.

Добро пожаловать в неофициальную историю

Колывая — Линданисе — Ревеля —

Старого Таллинна —

вашего любимого
города.

Faust.

Wie nennst du dich?

Mephistopheles.

Die Frage scheint mir klein,
Für einen, der das Wort so sehr verachtet,
Der, weit entfernt von allem Schein,
Nur in der Wesen Tiefe trachtet.

Faust.

Bey euch, ihr Herrn, kann man das Wesen
Gewöhnlich aus dem Namen lesen,
Wo es sich allzu deutlich weis't,
Wenn man euch Fliegengott,
Verderber, Lügner heißt.
Nun gut wer bist du denn?

Mephistopheles.

Ein Theil von jener Kraft,
Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

Johann Wolfgang von Goethe.

Faust — Der Tragödie.

Датская стража

Городской фольклор полон рассказами о привидениях. Рассказывают, например, что белыми июньскими ночами, когда небо между двумя зорьками ненадолго раскрашивается в цвета датского флага — белый крест на красном фоне, на тропинке под стенами Вышгорода можно встретить призраков из городской стражи времён датского короля Вальдемара II, а то и самого монарха.

Вальдемар II вошёл в историю тем, что усмирил язычников *maarahvas* — древних предков нынешних эстонцев, которые часто нападали на немецких колонистов. Папа Гонорий III 9 октября 1217 года издал буллу, которой придал вторжению Вальдемара II на земли *maarahvas* статус Крестового похода против язычников Балтии.

В отличие от Святой земли, здешняя местность напрочь лишена древних христианских реликвий, и воевать собственно говоря было не за что. Однако ни Папу Гонория, ни короля Вальдемара это ничуть не смутило, и победа над язычниками была одержана под стенами городища Линданисе. Сей исторический факт запечатлён на картине (†) Кристиана Августа Лоренца (1809).

Строение на холме, заложенное Вальдемаром II, получило название **Castrum Danorum** — *крепость датчан* или *датская крепость*. С церковью в крепости связана кровавая драма.

Впервые деревянный храм в **Castrum Danorum** — Собор Святой Марии упоминается через десять лет после её основания в связи, с так называемой «Кротовой баней» — резнёй, случившейся в 1233 году. Ранее в том же году инквизиция (*лат.* Militia Christi, *рус.* Воинство Христово) была передана в ведение монашеского Ордена Доминиканцев. Наступила эпоха сыска и кровавого террора. В своём рвении Militia Christi доходила до того, что выкапывала из могил трупы давно умерших людей, если они были признаны еретиками и предавала их сожжению.

В ходе конфликта между меченосцами и вассалами ревностные католики из Militia Christi умертвили гарнизон Castrum Danorum, то есть всех датчан. Окровавленные трупы аккуратно сложили возле алтаря церкви. Деревянный храм был осквернён и в том же году в Рим было послано прошение об освящении новой, каменной церкви, которая сегодня называется Домским собором. С 1240 года церковь была кафедральным римско-католическим собором всей Северной Эстонии.

Гид охотно расскажет вам историю *таллиннского донжуана*, погребённого под порогом Домской церкви, но никогда не расскажет подробности «Кротовой бани». Тот мёрдок, что сегодня называют призраками датской стражи вполне может быть отголоском резни 1233 года. Откуда нам знать кто белыми ночами суетится под стенами Castrum Danorum? Впрочем, я бы не стал слепо доверять рассказам о призраках датской стражи (мёртвого гарнизона). Дело это давно минувших дней, и в его современных реминисценциях больше художественного вымысла и фантазии, чем фактической или мотивированной основы. Ещё раз: мороки долго не «живут» и пропадают вместе с изменениями среды обитания, *камбэки* редкость.

Кстати, примыкающий к собору Епископский садик — тоже место с датскими привидениями, которое ночью посещать не рекомендуется. Говорят, что они и в соборе иногда воют в голос, наводя ужас на случайных прохожих.

Кладбище святой Варвары: чумная история

В 1960 году меня определили в детский сад рядом с заводом «Volta». Излюбленным местом детских прогулок было городское кладбище напротив завода. Это было романтическое место: замшелые надгробия, игра света и тени, заросли кустарника и огромные деревья. Осенью жёлто-красные листья, жёлуди и каштаны. Весной первоцветы. Летом ландыши и земляника. Помните, как это у Марины Цветаевой: *«Кладбищенской земляники крупнее и слаще нет...»*

Современного человека оберегают от соприкосновения со смертью и всеми сопутствующими процедурами, что неизбежно с нею связаны. Не думать, не смотреть, не вспоминать. Зарыть и забыть...

Оттого разница в личном отношении к смерти тех, кто испытал на себе её внезапную близость, и тех, кто наблюдал её в телевизоре. Помните, у Булгакова: *«Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»* А у Осипа Мандельштама находим тончайшее наблюдение:

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Те, кто задумывается об этой части человеческого *после бытия*, хотя бы упокоиться не в размокшей глине, торфе или чернозёме, не в камнях или щебёнке, а в сухом песочке под елью или берёзкой на краю живописного косогора. Да так, чтобы вид на округу был такой, от которого у живых дух захватывает, и чтобы покой и безмятежность, но с чириканьем птичек, движухой тёплого ветерка, летним дождичком...

В Нарве горожан закапывают в лесу и без затей, а останкам германских солдат, которых свозят со всей округи, в городской черте выделен шикарный участок на высоком берегу Наровы, с которого открывается вид на Россию. Смотришь на выводки одинаковых бетонных крестов и понимаешь, что граница Великой Германии (Евросоюза?) и сейчас проходит именно по Нарове. Там, на другом берегу реки вождельенный российский Lebensraum, а здесь, на этом берегу почти арийцы — расово близкие сторожа чужих отеческих гробов.

С германского военного кладбища в Тойла открывается роскошный вид на море. Между тем местных жителей хоронят на тихом лесном кладбище с видом на поле. Тоже, конечно, красиво, но не привилегированно. А там, у обрыва, в старинном парке даже во время войны не хоронили эстонцев из Waffen SS.

Тойла. Кладбище с видом на море.

Германское военное кладбище в Таллинне на горке Марьямяэ славится живописным видом на залив и старый город. Но горожан здесь не хоронили и никогда хоронить не будут. Для богатых хотели построить рядом элитный жилой комплекс с видом на залив и закатное солнце, но затея не выгорела. Два десятка лет спустя построили поверх глинта – на *Локаторах*.

Сторожа́м нельзя тревожить прах хозяев. Один городской чиновник заметил мне: *«Что как вернуться? А место уже готово и благоустроено! Какие к нам претензии?»* И ведь прав шельма: что как действительно вернуться? Что как попрекнут небрежением к хозяйским гробам? Что как спросят за вверенное имущество?

Во второй половине XIX века в Ревеле создали променадную комиссию. С тех пор это излюбленная забава городских властей. В задачу той, первой комиссии входило благоустройство земляных укреплений и бастионов за пределами городской стены. Труды комиссии был ликвидирован ров у Ингерманландского бастиона — ныне подножие горки Харью с церемониальной площадкой и Крестом свободы. Высаженные трудами променадной комиссии липы сформировали нынешний бульвар Каарли. На углу улицы Роозикрантси комиссия ликвидировала старинное кладбище Святой Варвары. Из местного плитняка построили здание, ныне отель Santa Barbara.

Место пристанища живых и мёртвых: отель Santa Barbara

Название отеля как будто перекликается с названием известного американского телесериала, однако не обольщайтесь: оно сугубо кладбищенское и есть в этом некоторая закономерность — мёртвых постояльцев кладбища Santa Barbara сменили живые постояльцы, но пока ещё в отеле.

Под мэрией, отелем и банком, выходящим зеркальным фасадом на бульвар Каарли, некрополь XII – XIII веков. Во время раскопок во дворе отеля вскрыли могилы, располагавшиеся в три яруса. Общим счётом 250 покойников. В памяти сохранился длинный ряд черных пластиковых мешков, доверху набитых костями. Показывают ли эти сумрачные картинки нынешним постояльцам отеля? Думаю, что нет.

Кладбище Святой Варвары имеет продолжение под проезжей частью и бульваром Каарли, а пешеходный переход, проложенный от улицы Роозикрантси в сторону горки Харью и церемониальной площадки с Крестом свободы, прорезает сразу несколько уровней древнего некрополя. Переход начали строить ещё в советское время. Из стен котлована во множестве торчали черепа и ребра, берцовые кости. Ночами кто-то выкладывал черепа к подножию городской доски почёта — прямо под портретами партийцев и передовиков производства. Надо признать, что поутру это было довольно жуткое зрелище, а, главное, совершенно антисоветское. Скандал получился знатный. Антисоветчину и хулиганство быстро пресекли.

Слева направо: мэрия, улица Роозикрантси, здание банка, Часы свободы.
Позади за часами вход в подземный переход и начало бульвара Каарли.
Бетонная стенка у банка – тоже вход.

Искал, но не нашёл фотографии Городской доски почёта у горисполкома, но, чтобы получить представление, можно рассмотреть фотографию с изображением Доски почёта Центрального района на странице 18. Во время перестройки и ускорения переход под бульваром Каарли стал пристанищем дюжины торговых точек. Когда под Крестом Свободы устроили церемониальную площадку всю торговлю внезапно ликвидировали, разумеется, для общественного блага. Оставили голые стены.

Но вот что любопытно: это был единственный в городе подземный переход, который после перестройки функционировал с 7 часов утра до 10 часов вечера, а на ночь в обязательном порядке закрывался. Единственная понятная причина — это ограничение нежелательных контактов горожан с паранормальной активностью насельников кладбища Святой Варвары. Кто-то в городском правительстве пожелал оградить нас от лишних стрессов, и, похоже, что у него было достаточно для этого оснований. Случайные ночные прохожие, наталкивавшиеся на запертый проход, рассказывали потом, что в подземном переходе было «шумно».

Что значит шумно? А то и значит, что *шумно*.

Тень Ибрагима Ганнибала

Рассказывают, что последние два-три года в Старом городе на закате стал появляться призрак невысокого чернокожего человека. Он появляется в проходе под городской стеной между Садам датского короля и Комендантским садом. Снизу-вверх смотрит на собор Александра Невского, потом выходит на Комендантскую улицу и прикасается рукой к стене дома ревельского коменданта. Постояв немного, спускается на площадь и пропадает в людском потоке. Видевшие чернокожего незнакомца, не берутся описать его лицо и одежду. Сходятся на том, что он слегка напоминает экстравагантно одетого туриста.

Есть предположение, что это призрак Абрама (Ибрагима) Петровича Ганнибала — знаменитого арапа Петра Великого, прадеда поэта Александра Пушкина. При императрице Елизавете Петровне генерал-аншеф Ганнибал был назначен комендантом города Ревеля. Призрак стал являться, после того, как с фасада комендантского дома убрали памятную табличку с его именем (на авторском фото 2005 года табличка ещё есть).

На том месте, где призрак прикасается рукой к стене остаётся едва заметный след, который потом смывают или подкрашивают.

Достоверного портрета артиллерии генерал-аншефа Ганнибала не сохранилось даже в его имени Петровское Псковской губернии. За Абрама Петровича как будто принимают портрет артиллерии генерал-аншефа Ивана Ивановича Меллер-Закомельского, благо есть определённое сходство в мундире и регалиях. Так что опознать незнакомца не представляется возможности. В отсутствие достоверного портрета, чему тут удивляться? Мёртв и не обязан иметь портретного сходства. Современникам-горожанам все арапы на одно лицо — кто только не шатается по столицам Европейского союза!

Тень Абрама Петровича не склонна к общению с забывчивыми горожанами. Так что это, скорее всего, классический призрак: тень обиженного коменданта города тихонько напоминает о своих исторических правах и привилегиях.

«Утюжок» и «Поцелуева горка»

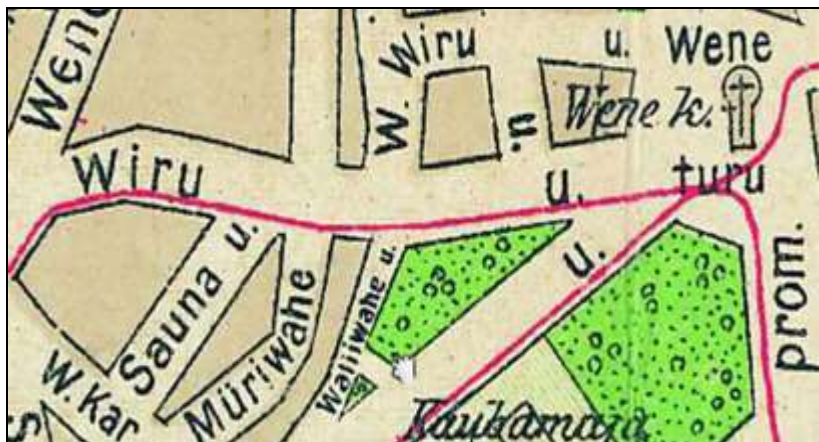
Поверье о необычных свойствах «Утюжка» имеет собственную предысторию.

Одно из таллиннских достопримечательностей — «Поцелуева горка», по-эстонски *Musumägi*. Поцелуева горка — часть скрытого старинного бастиона, некогда протянувшегося вдоль городской стены (ул Walli) и Яновой улицы (Пярнуского шоссе). Утративший оборонительное значение бастион был прорезан Глиняной улицей (нем. *Lehmstraße*), ныне улицей Виру (эст. *Viru*), проходившей сквозь Глиняные ворота, ныне ворота Виру (эст. *Viruvärava*).

На старом плане видно, что горка в плане похожа на равнобедренный треугольник. Левая часть основания окончательно скрыта и разделена проходом между улицами *Walliwahe* и *Jaani*. Отделённый зелёный уголок ныне утрачен — занят под автостоянку, а в советское время здесь стояла Доска почёта Центрального района.

Правая часть горки отделена проходом, в средней части которого устроена небольшая гранитная лестница, спускающаяся с горки и расходящаяся под прямым углом по сторонам. Отделённая от основания часть горки называется «Утюжок». Сегодня это обнесённый оградой крохотный сквер с забавным фонтанчиком.

Слева от горки Пярнуское шоссе (*Jaani tn.*). Вдоль улицы некогда открывался вид на Янову церковь (эст. *Jaani kirik*) и двуглавую церковь Карли (нем. *Karls-Kirche*). Ныне перспектива перекрыта застройкой. Справа современная улица Виру (эст. *Viru*) и ворота Виру (эст. *Viruvärava*), а также вид на церковь Святого Николая (эст. *Niguliste kirik*).

Равнобедренный зелёный треугольник – это часть старинного бастиона и нынешняя Поцелуева горка

Доска почёта Центрального района г.Таллинна у подножия Поцелуевой горки.

Между бастионной горкой и Русским рынком некогда можно было найти с полдюжины складов и того более трактиров и кабаков, венчающих картину деловой части города. При совершении записи откупщик присягал на Евангелии и целовал святой крест. Отсюда *целовальник* — присяжный человек при рыночных весах или складе, или

винный откупщик в кабаке, а то и просто *сидельщик* вместо хозяина, хоть бы он и не присягал вовсе. Именно это обстоятельство — скопление в одном месте складов и кабаков определяет историю топонима «Поцелуева горка».

Район нынешней площади Viru представлял собой транспортную развязку, с которой начинались дороги в сторону Пярну, Тарту, Нарвы (Санкт-Петербурга). В 1888 году запустили конку — трамвай на конной тяге. На Русском рынке была устроена развилка. Приходящая со стороны Екатериненталя (Кадриорга и Нарвы) колея поворачивала налево в сторону Яновой церкви и направо в сторону Ратуши и Шведского рынка. Рядом с развилкой на Русском рынке построили часовню Святого благоверного князя Александра Невского, на городских планах она обозначена как *Wene kirik*, т.е. Русская церковь.

В русской традиции *поцелуева горка*, *поцелуев мост*, *поцелуев кабак* — это традиционные названия прощальных мест. Отсюда *целовальщик* и *целовальщица* — любители лобызаться. Люди лобызаются при встречах и при расставаниях на трезвую голову, и в подпитии — русская традиция! Таллиннская Поцелуева горка — это и память о транспортной развязке, и о купеческих складах, и о кабаках, а главное место встреч и расставаний.

Я застал те времена, когда «Утюжок» при горке был излюбленным и естественным местом встречи горожан. Договариваясь, достаточно было назвать время, и было понятно, что местом встречи назначен «Утюжок». На нём же, как правило, и расставались. В *поцелуеву* ловушку угодил даже лидер Центристской партии, мэр Таллинна и неоязычник (хлыст) Эдгар Сависаар, установивший новую городскую традицию: торжественную встречу астрономической весны на Поцелуевой горке.

Так что наша Поцелуева горка — это не заведение, в котором 365 дней в году справляют день Святого Валентина, а сакральное место нечаянных встреч и неизбежных разлук.

Тем не менее топоним «Поцелуева горка» сегодня связывают с разбитым на горке тенистым садом, в котором некогда было много укромных уголков для романтических объятий и поцелуев. А я и сам в молодости использовал горку именно в этих целях, хотя уже тогда знал о связанном с ним старинном городском поверье.

Если встать на ступеньке лестницы, спускающейся с Поцелуевой горки к Утюжку, и простоять на ней достаточно долго, то можно увидеть внизу людей, с которыми давно не встречался. Если окликнуть знакомого и он обернётся, значит живой, если же пройдёт не обернувшись, покойник.

«Утюжок». На заднем плане «волшебная лестница».

Поверье работает, по крайней мере, в отношении живых, хотя транспортные развязки, скорость и ритм жизни, наконец, пути ежедневной миграции горожан значительно изменились.

Начиная с 50-х годов прошлого века, в центре города можно было встретить экстравагантно одетую даму. Говорят, это была свихнувшаяся дочь известного таллиннского фабриканта или жена хозяина модного магазина, бывшего, разумеется. Я часто встречал её в середине 70-х годов, когда она была уже в почтенном возрасте. Дама в затейливой шляпке, одетая в ярко жёлтые шаровары при вычурной блузке и кедах, с непременно раскрытым зонтом, как нож масло прорезала любую толпу в любом направлении. По советским временам жёлтые шаровары при кедах и шляпке невообразимого фасона резали глаз. Теперь мало кто из горожан обратит внимание на такие экстравагантности. Привыкли к причудам иностранцев.

Придерживая на плече объёмистую сумку ядовито-зелёного цвета, дама спускалась по улице Виру, огибала Утюжок и шла вверх по Пярнускому шоссе в сторону магазина «Детский мир». Лишь однажды я встретил её на пешеходном переходе у гостиницы «Palas». Когда история была опубликована в интернете, мне написал старинный приятель Иосиф Малкиэль:

«Даму я прекрасно помню. Иногда она накидывала на себя что-то вроде рыболовной сети. И часто в руках у неё был фантастический зонтик. И даже ковляющую её походку помню. Но видел я её чаще всего на Тынисмяги. Она ярким пятном спускалась по направлению к консерватории. Я считал её легендарной городской сумасшедшей».

И я вспомнил: вычурной была не блузка, но ажурная серая шаль с крупной ячейкой и кистями! Полагаю, со временем читателям вспомнятся и другие наряды, и маршруты знаменитой таллиннской модницы. Вот один из откликов:

Марина Никулина: *Прекрасно помню ту модницу! Моёдаат — так её эстонцы называли. Она ещё любила на Ратушной площади в любую погоду стоять и как бы "загорать", подставляя лицо солнышку, пусть его и не было в тот момент на небе. И блаженно улыбалась...*

А теперь собственно история. Случилось это весной 2010 года, в самом начале мая. Был шестой час пополудни. Иду я, значит, на приём в российское посольство. Путь мой лежит сквозь торговый центр Viigu в сторону одноименной улицы. От Утюжка меня отделяет Пярнусское шоссе. Внезапно вижу, как на противоположной стороне улицы дама, которой и в живых-то быть уже не должно, огибает «Утюжок» и быстро идёт вдоль Поцелуевой горки в сторону Площади свободы. Светофор открывается, и я пытаюсь догнать её, но дама с ядовито зелёной сумкой на плече теряется в толпе сразу же за автобусной остановкой.

Примите на заметку: если вы будете терпеливы и внимательны, возможно, вам повезёт увидеть нашу модницу. Тогда вам будет что рассказать в компании за чашкой кофе или кружкой пива.

* * *

Для меня Поцелуева горка и Утюжок ассоциируются со стихотворением Зинаиды Гиппиус «Идущий мимо» из парижского сборника стихов 1938 года «Сияния». Лет тридцать назад в Москве мне в руки попал один из двухсот экземпляров (!) «Сияний» в безупречном состоянии типографской сохранности, даже странички не разрезаны. Осторожно приоткрыв обложку, я прочёл обрывок текста, который сразу же заворожил меня:

У каждого, кто встретится случайно
Хотя бы раз — и сгинет навсегда,
Своя история, своя живая тайна,
Свои счастливые и скорбные года.

Какой бы ни был он, прошедший мимо,
Его наверно любит кто-нибудь...
И он не брошен: с высоты, незримо,
За ним следят, пока не кончен путь.

Как Бог, хотел бы знать я все о каждом,
Чужое сердце видеть, как своё,
Водой бессмертья утолить их жажду —
И возвращать иных в небытие.

Книжку пришлось вернуть на прилавок, потому что цена её в полтора раза превышала мою месячную зарплату, но очарование тех слов — сияний, не рассеялось до сих пор. Перефразирую:

И возвращать иных из небытия...

Пожарник Юлиус Зиберт

Не вполне достоверная история с привидением связана с пожарной частью в центре Таллинна. Ревельское добровольное пожарное общество было основано в 1862 году. Его первым председателем был энтузиаст пожарного дела остзейский немец Юлиус Зиберт.

В конце XIX века рядом с Русским рынком и Поцелуевой горкой для общества было построено каменное здание пожарной части, которое и по сей день украшает площадь Виру. Это типично таллиннское сооружение из серого местного известняка — весело смотрится в погожий денёк, но в дождливую погоду способно навеять самые мрачные мысли. Впрочем, здание отлично вписалось в инфраструктуру площади и городской ландшафт: Поцелуева горка, Русский рынок, часовня Святого Благоверного князя Александра Невского, и в центре транспортный узел.

В 1962 году отмечали столетие Ревельского добровольного пожарного общества. Эстонцы вообще трепетно относятся к остзейскому историческому наследию — равно к Ганзейскому союзу и расплодившимся во второй половине XIX века экономическим, кооперативным и культурным обществам под покровительством немцев.

Юбилей пожарной части отмечали чисто по-советски с неформальным, но таким обязательным банкетом в складчину. Считалось, что такие пьянки укрепляют сплочённость коллектива, прививают чувство локтя, способствуют возникновению личных связей между сослуживцами, и даже способствуют основанию трудовых династий.

Поздно вечером в самый разгар праздника, когда юбиляры, наконец, приступили в стенах пожарной к созданию династий, внезапно полыхнули верхние этажи здания, и пожарная часть загорелась на потеху горожанам. Занятые пьянкой и развратом советские пожарные не сразу заметили пожар, и здание заметно выгорело.

Тушить пожар приехали коллеги из пожарной части, расположенной на перекрёстке улиц Гонсиори и Пронкси, благо расположена она менее чем в пяти минутах езды. Такая вот забавная история.

Рассказывают, что с тех пор в юбилейные годы за частью присматривает странный человек в диковинной пожарной в экипировке. Это остзейский немец энтузиаст пожарного дела Юлиус Зиберт, который ходит вокруг части, заглядывает в окна, дёргает дверные ручки — охраняет своё детище от случайного возгорания.

Общественный туалет государственного значения

С Поцелуевой горкой напрямую связана ещё одна история, о которой невозможно не упомянуть. До первой половины XX века среднестатистический эстонец — крестьянин, хуторянин, рабочий, разночинец, и даже буржуй не имел никакого представления о ватер-клозетах. В деревнях или на хуторах, нужду справляли в канаву за овином, в городах для тех же целей служили ночные горшки (вазы) и холодные уличные сортиры во дворе.

Олимпийский сортир под Поцелуевой горкой.

Сортирами во дворе или на этаже пользовались даже состоятельные горожане. В зимнее время в ходу были ночные горшки и вёдра. И лишь в начале тридцатых годов прошлого века, во времена первой Эстонской Республики в новых доходных домах появились ваннные комнаты и ватерклозеты — роскошь для эстонца немислимая! Замечено не в обиду, а просто для констатации исторического факта.

До Олимпийской регаты 1980 года в Таллинне не было ни одного приличного общественного туалета. Места общего пользования на железнодорожном вокзале, в ресторанах и кафе — не в счёт. Городские власти озаботились строительством показательного общественно-го туалета. Дело это было новое, и не только для Эстонии.

Для первого в республике спецзаведения государственного значения была выбрана Поцелуева горка — высокий её склон, выходящий на улицу Valli. Поскольку старый город считался историческим памятником, то место и проект общественного туалета утверждали в Москве, причём на самом высоком уровне.

Олимпиаду репетировали в 1979 году: в Таллинне в рамках Спартакиады народов СССР стартовала парусная регата, а накануне открытия регаты на улице Valli в недрах Поцелуевой горки открылся общественный туалет государственного-исторического значения.

Бывший сортир под стеной Ратуши.

Было время, когда под горкой появился винно-водочный магазин, а прямо скажем не самый дешёвый туалет, вход в который стоил 1 евро, утративший свой государственный статус, прозябал рядом. Грубо говоря, чтобы избавиться от банки пива, купленной в соседнем магазине, в сортире нужно было заплатить её полную стоимость.

Заметим попутно, что Таллинн и по сей день не избалован общественными туалетами. За исключением центра, доступных общественных туалетов нет в частях города Кристийне, Ласнамяэ, Мустамяэ, Нымме, Пирита, Пыхья-Таллинн, Хааберсти. Выручают только ведомственные туалеты в больших торговых центрах и на автозаправках.

Общественный туалет № 2 на задворках городской ратуши (ул. Vanaturu kael) до настоящего времени не дожил. В его помещении одно время располагалась сувенирная лавочка с говорящим названием «Käsitöö kelder» (эст. подвал <для> ручной работы).

Третий по счету скандальный общественный туалет государственного значения и по сей день функционирует на Вышгороде в сквере рядом с православным собором. Его можно принять за архитектурный и даже исторический объект, если не приглядываться. Те, кто разгадал загадку, используют его в качестве фона для модного селфи.

Ещё совсем недавно я полагал, что городские туалеты — это история, которая уведёт нас далеко в сторону от основной нити повествования. Но вот мне рассказали историю, как под стеной ратуши завёлся хулиган, который по вечерам справляет малую нужду у входа в теперь уже бывшую сувенирную лавку. История анекдотическая, и тем не менее. Писуна пытались изловить, но тщетно: уходил от полиции как вода сквозь пальцы. Так продолжалось некоторое время, пока полицейские не сообразили, что хулиган не оставляет после себя полагающуюся в таких случаях лужу. Гоняться за призраком перестали.

А между тем этот призрак — настоящая городская достопримечательность. Любопытно было бы узнать у местного *Genius loci*, кто этот неведомый писунишка — местный житель или финн какой-нибудь, есть ли у него собственная судьба, определившая ему забавную социальную роль.

Ноги и жопа Петра Великого

Памятник Петру Великому работы скульптора Леопольда Бернштама был открыт в Ревеле на Петровской площади 29 сентября 1910 года к 200-летию юбилею капитуляции города в ходе Северной войны. Для пьедестала притащили финский гранит. Сам памятник обошёлся казне в 60 тысяч золотых имперских рублей. По тем временам сумма весьма и весьма приличная.

В юбилейный год все территориальные приобретения Северной войны украсились похожими памятниками, за исключением Риги, украшенной конной статуей Петра.

Бронзовый Пётр простоял в центре Таллинна весьма недолго — до 1 мая 1922 года, когда он был демонтирован аборигенами в наказание за покупку Эстляндии у шведской королевы. И ведь десяти лет не прошло, а как озлобились жители города! Невмоготу стало свободолюбивому народу терпеть оккупанта на центральной площади столицы. В 2007 году точно также поступят с «Бронзовым солдатом», вот только решимости пустить его на евросенты не хватит. Посему солдата сошлют на высылки — воинское кладбище на улице Фильтри

Монумент свезли в Екатеринбург, и какое-то время он лежал на телеге под стеной бани Петра. Бюст Петра даже стоял почти

напротив президентского дворца, но вовремя оккупации переплавили на металлы для нужд германской армии. Вскоре и баню снесли за ветхостью, а между тем это было последнее исторически достоверное строение в городе, в котором действительно останавливался император. Нынешний домик Петра не в счёт, поскольку фейк. Во время войны немцы хранили в нём агитационные материалы. Только при советской власти в домике организовали мемориал.

Гранит стоимостью в 19 тысяч рублей мне жалко. Зачем разрушили дорогую вещицу, которую сами же почти год и тащили из Финляндии? Впрочем, хозяин — барин. Невмоготу, так невриготу. И говорят, как снесли монумент, так всем сразу и полегчало. Полегчало настолько, что лет тридцать назад я купил в антикварном магазине маленький бюст Петра — условную копию того самого с площади. Работу эстонского скульптора Mari Rääk (1907 – 1986) магазин в подвальчике на улице Виру оценил в 15 эстонских крон — по нынешним временам меньше одного евро. Вот как всем полегчало!

Фонари и ограду пустили на металл, фундамент сравнили с землёй. Долго ещё потом посреди площади красовалась круглой формы цветочная клумба. По нынешним раскладам точно напротив городской управы. После разделки туши из рук и торса отлили памятник эстонским школьникам, принимавшим участие в Освободительной войне 1918 – 1920 годов. Из чресл, огузка и ног отчеканили пореформенные сенты. Денежная реформа удалась, и в народе шептались, что ноги Петра снова ходят по Эстонии.

Злые языки мрачно шутили, что вместе с ногами по стране передвигается и задница Его Величества, а посему всё в стране происходит через жопу. Так что и сегодня ещё, покупая в антикварном магазине эстонские сенты 20-х годов, вы приобретаете частицу ног или задницы Петра Великого. Это кому как нравится.

Страшную историю о том, что рано поутру ноги бронзового императора ходят вокруг домика и по церемониальной площадке у нынешнего президентского дворца, мне рассказала пожилая женщина, прибиравшаяся в Домике Петра. В то время подобные истории не поощрялись, но уже близилось время, эпически названное гласностью.

Зачем ноги ходят? Наверное, ищут торс и голову. Часовые у парадного подъезда вздрагивают и настораживаются, едва слышав в утреннем тумане тяжёлую бронзовую поступить. Вообще это довольно странное явление мóрок в виде слухового наваждения. Вроде, как и не призрак и не привидение, а так — мрачная слуховая галлюцинация, точнее даже тактильная.

Открытие памятника Петру Великому.
На среднем плане пролётка с арестантом и полицейский.
Ревель, 1910 год.

Монумент Петру I подготавливают к сносу. 1922 год.

Поверженный Пётр под стеной петровской же бани. Ревель, 1922 год.

А всё потому, что сами шаги как будто и не слышны вовсе, зато чувствуешь, как от них содрогается земля и асфальт. Порой мóрок столь отчётлив, что дрожь ощущается по всему Ласнамяэ. Не удивляйтесь, если рано утром в кухне вдруг звякнут стаканы, вздрогнет советский хрусталь в комодe, а потом ещё и ещё.

Впрочем, сам тому свидетелем, как по утрам ноги бронзового Петра шляются по парку, не был, и не приведи Господи наяву увидеть императорскую задницу в ботфортах! Жуть!

Однако время от времени Ласнамяэ слегка потряхивает, особенно по утрам. С чем это связано мэрия не объясняет, но мы-то теперь знаем, кто это напоминает о себе.

Гранитный валун у старого зоопарка

У подножия известнякового глинта в начале нынешней оживлённой трассы Лаагна, связавшей центр города с районом Ласнамяэ, некогда располагались три примечательных объекта городской инфраструктуры: мыловаренный завод, старый зоопарк и новое здание городского Управления внутренних дел МВД Эстонской ССР, отдалённо напоминавшее своим видом ступенчатую пирамиду фараона Джосера.

Про мыловаренный завод ходили слухи, что таллинское мыло такое нежное и ароматное, потому что его делают из трупов экзотических животных — зоопарк и завод имели общий забор. А совсем рядом на Тартуском шоссе точно также через забор соседствовали целлюлозно-бумажный комбинат и ликёроводочный завод, что давало повод к слухам о том, что местную водку гонят из отходов целлюлозы, то есть опилок.

Со стороны Кадриорга и Тартуского шоссе линейку замыкали два объекта, как будто напрямую с нею не связанных. Один из них сыграл в истории СССР роковую роль, другой умягчал неустроенный быт. И оба исчезли.

Расчищая место для городской «Лубянки» — Управления внутренних дел и Морского РОВД ликвидировали пользовавшуюся успехом у горожан, обнесённую забором пивнушку-автопоилку «Зоопарк». Бросаешь в щель двугривенный и получаешь 200 граммов пива, две монеты — почти полная кружка плюс место под *мерзавчик*. Известно: водка без пива, деньги на ветер! И мало, кто помнит, что «Зоопарк наследовал» «Капитанскому мостику». Потом исчезли мыловаренный завод и старый зоопарк.

Было время, когда окна моего кабинета в Морском РОВД выходили на тот самый парфюмерно-зоологический пятачок.

Там, где трамвай, спускаясь с улицы Маяка поворачивает на Тартуское шоссе, на углу улицы Лубья некогда была остановка и рабочий тупик трамвайного депо, но, главное, там была маленькая пивнушка. Поднимаясь в пивнушку по короткой открытой лестнице, посетитель попадал на небольшую площадку, обнесённую металлическими поручнями, что придавало объекту сходство с капитанским мостиком, зафиксированное в неформальном топониме. Проезжая мимо, можно было засечь на «Капитанском мостике» приятеля и успеть выскочить из трамвая. А бывало так, что тебя самого высмотрят на «мостике» и придёт твой черёд угощать приятелей.

Город много потерял, когда из «мостика» сделали цветочный магазин, а на его задворках построили поилку «Зоопарк». Именно «Капитанский мостик» со стороны Тартуского шоссе открывал линейку артефактов, выстроившихся вдоль единой оси. Линейка исчезнувших достопримечательностей и по сей день хранит несколько исключительно местных мýроков.

Осиротевший «Капитанский мостик» стал интересен тем, что в лучах заходящего солнца на нём можно было видеть силуэт человека в фуражке с короткой трубкой в зубах. Если очень повезёт, то над трубкой можно было разглядеть дымок. Потом капитанский мýрок пропал на два десятка лет и появился вновь, когда остановку трамвая перенесли в другое место и пятачок под мостиком обезлюдел. Разглядеть капитана можно было только из трамвая, который там больше не останавливался. Артефакт утрачен безвозвратно.

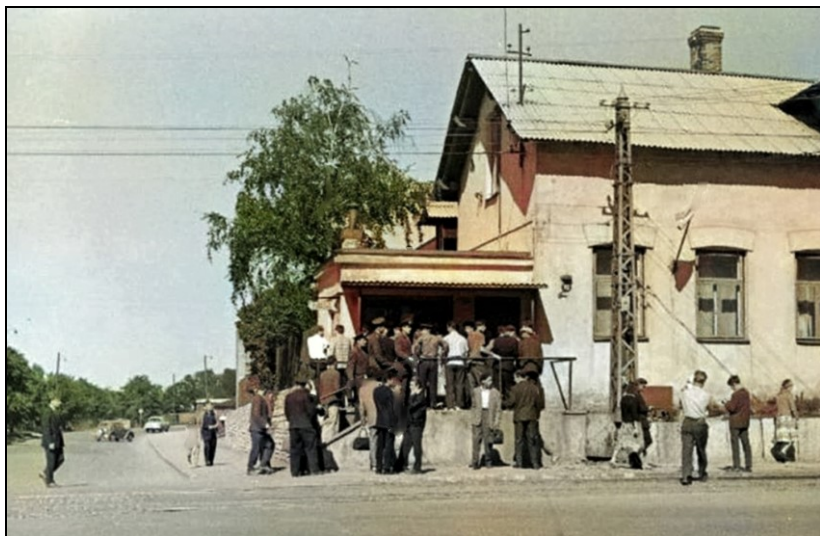
Когда начали строить Лаагна тее, то первым делом взорвали огромный гранитный валун, замыкавший линейку со стороны Кадриорга. Он лежал на своём месте ещё со времён последнего оледенения и охранялся советским государством, как свидетельство притащившей его сюда морены. Потом, когда ликвидировали «Лубянку», на её месте некоторое время был унылый, ничем не примечательный пустырь, на котором часто видели человека в фуражке. В сумерках из окна машины или из трамвая было не разобрать кто это — моряк или мент из горуправы. Человек нагибается и как будто что-то ищет на земле. Не найдя, раздосадовано машет рукой. Теперь и пустыря нет — сплошная застройка

Поговорите с автомобилистами, чей путь по утрам лежит из Ласнамяэ в центр города. Кто посмелее, и не боится насмешек, расскажет вам, что на повороте с Лаагна тее в сторону улицы Гонсиори перед восходом солнца на обочине дороги можно видеть большую кошку, похожую на рысь.

Рысь Илу (довоенное фото). Старый зоопарк.

«Капитанский мостик».

Последние дни ступенчатой пирамиды на Лубья. Фото автора.

Кошка сидит и смотрит на дорогу. Остановиться невозможно, а в зеркало заднего вида уже ничего разглядеть нельзя — крутой поворот. Кстати, один из символов нового таллиннского зоопарка — безымянная рысь

Когда в 2015 году я писал книжку о местных мёроках для меня это была просто рысь. Историю этого мёрока я узнал случайно, когда шесть лет спустя заинтересовался подробностями мартовской 1944 года бомбёжки Таллинна. Оказывается, перед войной то ли шведы, то ли финны подарили таллиннскому зоопарку рысь по кличке «Илу». Несчастливая рысь стала одной из жертв мартовской бомбёжки. Такая вот грустная история. Не все жертвы той жуткой ночи известны поимённо, а вот как звали рысь и её призрак мы теперь знаем.

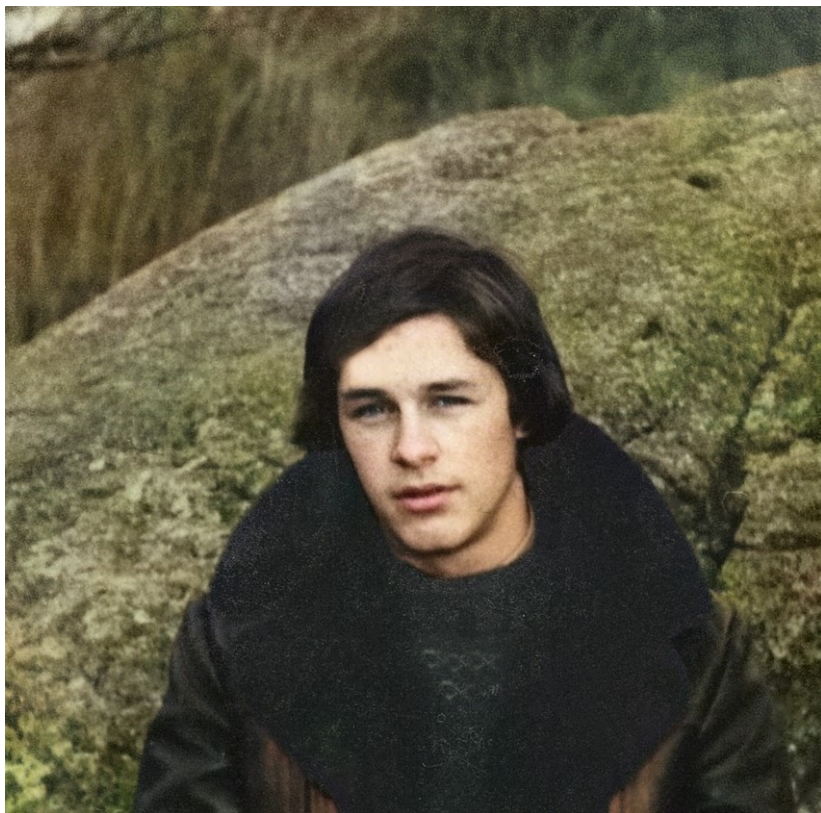
А ещё мне рассказывали, что на этом перекрёстке летом отчётливо пахнет мылом. Почему летом? Потому, что окна в машинах открыты. А ещё потому, что мёроки на этом месте словно специально выдуманы для автомобилистов Поинтересуйтесь у тех, кто ежевечерне возвращается в Ласнамяэ, и вам расскажут, что в сумерках после светофора на крутом повороте поперёк дороги внезапно появляется большой гранитный валун. Проносясь сквозь него, водители не успевают даже испугаться, а в зеркале заднего вида только свет чужих фар. Вот ещё ощущение из фейсбука:

«Хотите верить, хотите нет, но и сейчас проезжая по Лубья часто ощущаю тряску как на брусчатке».

Замечание свидетельствует о тактильном мёроке. А ведь я и сам замечал нечто подобное на крутом спуске с улицы Маяка к пересечению с Лубья: потряхивает как на брусчатке. Теперь мало кто помнит, что сама Лубья и этот спуск были вымощены брусчаткой. Похоже, что волшебная линеечка ещё не все свои художества предъявила

У этой истории есть своя мораль: государство охраняло гранитный валун, валун хранил государство. Не стало валуна,
не стало и государства.

Автор на фоне гранитного валуна, некогда охранявшегося государством.
Парк Кадриорг, 1975 год.

Неваляшка Iru Ämm

О таллиннской мифологии невозможно говорить или писать, не споткнувшись об эпос «Калевипоэг» — главный труд эстонского писателя с немецким именем Фридрих Рейнгольд Крейвальд (Friedrich Reinhold Kreutzwald). Гитлеру понравилось бы: в одном имени соединилась память о боготворимом им Фридрихе Великом и любимой опере Рихарда Вагнера «Золото Рейна» из цикла «Кольцо Нибелунгов». Я нигде не нашёл конкретного и вразумительного объяснения, откуда у сына крепостного крестьянина взялось такое чудное имя.

Врач из Выру Крейцвальд был натурой целеустремлённой. Он собрал, систематизировал и литературно обработал народные сказания, превратив их в собрание эстонских сказок и эпос «Калевипоэг», положив таким образом начало эстонской литературе. И вот по всей Эстонии чудесным образом распространились порождённые эпосом ландшафтные диковинки: ложа, подушки и камни Калевипоэга, камень Линды в озере Юлемисте, которое она же сама и наплакала, холм Линданисе (сосок Линды), горка Мустакиви (окаменевшая шкура пятнистой коровы Калевипоэга), сама окаменевшая Линда на холме Иру, et cetera...

Я живу самом конце Ласнамяэ. Рядом горка на которой пала пегая корова Калевипоэга и место, на котором бог Таара превратил вдовицу Линду в камень. Кстати, рядом улица имени её похитителя финского колдуна Тууслара. Забавно наблюдать как фантазия писателя прорастает в реальную жизнь. В эпосе неудачное похищение вдовицы описано так:

Гневным воинством небесным,
Огневой его защитой
Вырвана была вдовица
Из объятий ястребиных.
Быстровеющие боги
Волшебство своё свершили:
Стала Линда чёрным камнем —
Валуном на склоне Иру.

Эстонцы обратили литературное произведение в культ неведомого им великана и всего, что с ним связано. В этом нет ничего удивительного — три десятка диалектов бесписьменного языка (народа) внезапно возопили о собственной истории! От реализованного на практике эвгемеризма всего один шаг до страшных историй о привидениях. Кстати, Эвгемер из Мессены — греческий философ-киренаик, при дворе македонского царя Кассандра. Знаменит теорией народного обожествления царей (правителей) и героев.

Иллюстраторы эпоса изображают слегка облагороженный валун, напоминающий фигуру сидящей женщины — Линды, которую Отец Небесный превратил в камень, чтобы она не досталась похитившему её финскому колдуну Тууслару.

Сам Крейцвальд оригинального камня, скорее всего, в глаза не видел. Единственный в Эстонии менгир простоял у городища Иру до первой половины XIX века. (Менгир — мегалит, вертикальные размеры которого заметно превышают горизонтальные).

Мимо менгира тянулась тропа, спускавшаяся к удобному броду через реку. Однажды в Янову ночь местные жители устроили вокруг менгира костёр. От нагрева древний камень треснул и раскололся.

Подлинного изображения менгира как будто не сохранилось. На рисунке Эвальда Окаса окаменевшая Линда изображена в окружении более мелких камней, что даёт возможность предположить наличие в древности хэнджа (анг. *heng* — неолитическое сооружение круглой формы, иногда могильник). В 1970 году советский скульптор Юхан Раудсепп, руководствуясь рисунками иллюстраторов эпоса и при поддержке таллиннской птицефабрики, воссоздал менгир, который теперь возвышается над перекрёстком Старо-Нарвского шоссе и Пярнамяэ тее. В народе статую называют «Тёща Иру» (Iru Ämm).

Дитя советской власти и таллиннской птицефабрики Iru ämm в её новом облике не приняли ни местные жители, ни местные власти, эконобившие на указателях.

Так и стоит статуя Iru ämm грозным предупреждением всем нерадивым тёщам. Говорят, что если вечером её скинуть с насыщенного места, то к утру статуя вновь будет на пригорке. Одного только не представляю, как вообще можно повалить Iru ämm без тяжёлой дорожной техники.

102. E. Oksa. Iru ämm. Vahetüitel. Autolito. 1959.
Э. Окас. Окаменевшая Линда. Внутренний
титул. Автолитография. 1959.

Культия Виктора Кингисеппа

Я был знаком с бывшим работником Музея оккупации Эстонии. Что он там делал при музее, а особенно по ночам распространяться приятель не любил. После третьей рюмки всякий раз порывался рассказать одну и ту же страшную историю. И ведь знал шельмец, что я выучил его историю наизусть и даже использовал её в пьесе «Петухи», но всё равно не унимался. Где-то он теперь?

Суть истории такова: один из бронзовых советских памятников в подвале музея ведёт себя не по правилам. В холодные и дождливые осенние ночи, когда давление падает до отметки «шторм» и злой хозяин не выгонит за дверь собаку, бронзовый коммунист Виктор Кингисепп начинает тихонько стонать и жаловаться соседям на больные пальцы. А пальцев-то на правой руке у него и нет!

Сначала бронзовый Кингисепп по-стариковски жалуется и тихонько воет. Не найдя сочувствия и поддержки, начинает в унисон с ветром и сквозняками выть в голос, и всегда одно и то же: «Су-у-у-у-ки!» Спустишься в подвал, включишь свет, он и притихнет, только сопит. Поднимешься наверх, опять за своё. Это ещё один пример весьма и весьма странной слуховой галлюцинации.

На каком языке жалуется Кингисепп — на русском или на эстонском дядечка не уточнял. Полагаю, ответ всегда был уклончив, потому что жалуется эстонский коммунист на великом и могучем русском языке с использованием непарламентских выражений.

Дядечка придумал такой фокус: чуть слышит вой и стоны, мажет бронзовую культю вазелином и обёртывает тряпицей. Если Кингисепп продолжает сопеть, грозит вернуть его в парк напротив вокзала. Угроза срабатывает, и Кингисепп на время умолкает.

И ведь, что забавно: Кингисеппа свинтили совсем с другого места, а у вокзала на Башенной площади стоял всесоюзный староста Михаил Калинин. Сталина у вокзала сняли быстро, едва ли не на следующую ночь после доклада Хрущёва на XX съезде КПСС. А вот Калинина до выяснения обстоятельств заколотили в глухой ящик, в котором он простоял несколько лет.

В подвале музея у стоящего рядом с Кингисеппом бронзового Калинина полностью ампутирована кисть правой руки. Что, как воют дуэтом сразу оба калеки-коммуниста? «Су-у-у-у-ки!» Жуть!

Оба теперь стоят на холоде, под снегом и дождём во дворе имени Орловых вместе с другими советскими памятниками.

Долзделись коммунаки...

Кингисепп и Калинин. Таллинн Музей оккупации.

Памятник Калининну на Башенной площади. По легенде пьедестал собран из отшлифованных с тыльной стороны могильных плит кладбища, ликвидированного в Копли.

Он сыграл *va banque* и проиграл

По молодости мне казалось, что эта история, связанная с домом на углу улиц Виру и Вене не вполне достоверна. Однако я ошибался. Кажется, этот дом до 1941 года принадлежал знаменитому в городе семейству Зайдельсон. После войны на втором этаже была устроена общественная столовая «Vigu» (вход с улицы Вене) по традиции того времени с полноценным буфетом, т.е. с продажей спиртного в розлив не по ресторанной, а по буфетной наценке. Неформальный топоним буфета «Потолок», хотя его главной особенностью был острый эркер — выступающая за пределы фасада часть здания, как бы нависающая над перекрёстком улиц Вене и Виру. Пока не открыли модное кафе «Пегас», сюда постоянно приходили обедать журналисты из тогдашнего Дома печати.

В одной из задних комнат столовки, подальше от случайных глаз был устроен карточный притон. Игра шла по-крупному и не всегда на наличные. Играли на трофеи и даже на продуктовые карточки — лишь бы куш был приличным. В один из вечеров в притоне проигрался офицер-снабженец. Он просадил в очко (русский вариант игры в Black Jack) казённые деньги, огромную по тем временам сумму. За растрату офицеру, молодому ещё человеку, фронтовику грозил военный трибунал, и он нашёл, единственный, как ему казалось выход. Чтобы отыграть, офицер поставил на кон свою жизнь.

Партнёрам не понравилась ставка, грозящая скандалом и оглаской, и они сговорились, соблюдая внешние приличия, вернуть в игре часть офицерского проигрыша. Сели играть. Банкомёт скинул офицеру две карты — десятку и девятку. Вполне достаточно для выигрыша, который не вызовет подозрений в жульничестве.

Однако случилось неожиданное: к двум выигрышным картам офицер неожиданно прикупил третью. И это оказался не выигрышный туз, а семёрка — перебор! Так офицер проиграл свою жизнь.

Содержательница притона, подала ему чайный стакан коньяку, в надежде, что, офицера удастся спровадить без скандала. Коньяк был выпит в три глотка и офицер, ни слова, ни говоря, вышел вон. Игроки облегчённо вздохнули.

В той части помещения, которая называлась «Потолок», офицер присел за столик в эркере спиной к окну и спросил ещё коньяку с лимоном. Одним махом выпил коньяк и на глазах посетителей застрелился. Пуля разбила стекло, обломок черепной коробки и мозги сквозь дыру вылетели на улицу, а сам он упал лицом в блюдо с нарезанным лимоном, что довольно странно.

Три окна во втором этаже слева и эркер — легендарная столовка «Потолок».
Таллинн, угол улиц Виру и Вене.

Судя по подробностям, офицер стрелял себе в рот, чтобы случайно не ранить посетителей, и тело должно было бы отбросить назад – в глубь эркера, но в истории оно падает лицом на стол.

Будучи ребёнком, я иногда бывал с родителями в этой столовке. Помню скрипучую деревянную лестницу, потёртые деревянные полы, обшарпанные стены. Однако еда в «Потолке» всегда была вкусной, потому что это были времена, не знавшие кетчупа и майонеза. Особенно мне памятливы натуральные говяжьи сосиски с зелёным горошком и горбушкой ржаного хлеба с хрустящей корочкой. Помню также, что столик в эркере пустовал, даже в многолюдный обеденный перерыв. И объяснение я тоже запомнил: столик пустует, потому что *директорский*.

Историю эту я впервые услышал дома от мамы на праздничном редакционном застолье. Много лет спустя в Кадриорге я случайно встретил Фиму Зайдельсона. Он узнал меня. Передавал приветы родителям. Речь зашла о посиделках у нас в доме. Я похвастался, что помню песенку, которую пели подвыпившие гости:

Один интеллигент уселся на дороге
И вытянул вперёд свои худые ноги.
И кое-что ещё, на что смотреть не надо,
И кое-что ещё, о чём сказать нельзя.

Вспомнилась почему-то история с самоубийством офицера. Фима, которому недавно вернули имущество семьи, вздохнул и пробормотал что-то вроде «Бедный мальчик».

Нынче рассказывают, что призрак бродит ночами по бывшей столовке, заходит в заднюю комнату, потом долго стоит у окна в эркере, разглядывая брусчатку мостовой. Иногда слышны только шаги и приглушённый звук выстрела, хоть оно и очень не по правилам призраков.

Итальянские дипломаты могли бы рассказать об этом призраке больше, но они вряд ли в курсе этой трагической истории. Если что слышали или видели, нам никогда не расскажут. Между тем зеркальное стекло в эркере, возможно, скрывает офицера самоубийцу лучше, чем заговор молчания.

История офицера-самоубийцы напоминает мне сюжет «Пиковой дамы». То его место, в котором Герман под дулом пистолета вымогает у старухи Голицыной тайну трёх карт. Однако история офицера из самого, что ни на есть советского прошлого:

«Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

— Туз выиграл! — сказал Германн и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский.

Германн вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! — закричал он в ужасе».

Однако эта поучительная, гусарская по лихости история из совсем недавнего советского прошлого. Хотя, по правде сказать, Пушкин от такого сюжета не отказался бы. Возможно, в его черновиках славный Чекалинский вместо туза выкидывает на стол семерку.

Впрочем, я зарепортовался: Германн и Чекалинский играют в штосс, а не в очко.

История повешенного

Случилось так, что один таллиннский ювелир прикупил на улице Вене средневековый полуподвал. Крутая лестница ведёт вас к собранию воинских артефактов — амуниции, ружей, сабельных клинков, наград и прочего, что составляет гордость коллекционера. Уместнее будет назвать его благородным собирателем, потому что не чахнет над сундуками с коллекцией как пушкинский барон:

Как молодой повеса ждёт свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливей день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук ещё неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.

У подвала два выхода: прямой на улицу и в соседний подъезд. Рассказывают, что в январе в подъезде бывает подозрительный шум: истошные детские крики, невообразимое мяуканье, похожее на кошачье. Именно так: *похожее*. И не сказать, что громко, зато отчётливо. Вроде громкой музыки у соседей сверху: ухо не режет, но и по-

коя не даёт. И так всё чудно сливается в единые вопли, что невозможно устоять перед соблазном. Хозяин подвальчика, подозревая сквозняк, закрыл дверь, которая ведёт в подъезд дома. Вопль оборвался на самой высокой ноте. За дверью в подъезд стояла пронзительная тишина. Стоило немного приоткрыть дверь, как звуки повторились. Сперва совсем тихо и как бы неуверенно, а потом снова во весь голос. А за дверью в подъезд, как было сказано выше, пронзительная тишина. Хозяин, будучи человеком не робкого десятка, за неимением швабры снял со стены боевой клинок шугануть кошару, попутавшего январь с мартом. Выглянул за дверь. За дверью никого нет, а воет. К полудню шум прекратился сам собой. История повторилась в феврале, а потом до осени было покойно.

Летом при ремонте туалетной комнаты обнаружилось нечто вроде старинного дымохода или же вентиляционной трубы, уходящей наверх. Странные звуки списали на трубу и сквозняк.

В октябре с любезного приглашения хозяина я, наконец, заглянул в подвал. Для частного музея собрание уникальное. Как говорить, все, чем вы хотели владеть в детстве, отрочестве и в зрелых годах, но стеснялись тратить на это деньги. Хозяина буквально распирало от гордости и за музей, и за подвал. С гордостью была продемонстрирована крутая лестница и дымоход, к тому времени дважды успевший отличиться. Пришлось блеснуть собственной классификацией мѐроков. Прелесть звуковых *блзнов* вообще состоит в том, что воображение немедленно дорисовывает к звуку картинку — нечто вроде барабашки или сердитого домового, по-местному *Genius loci*. Что делать! Мы все дети кинематографа: есть звук, должна быть и картинка! Механизм образования акустических мѐроков, как уже было сказано выше, теоретической наукой не изучен и эмпирически не познан.

В итоге мы посмеялись над воплями и мявканьем. А буквально на следующий день в подвале повторилась февральская какофония. В телефонной трубке звучало какое-то телефонно-кошачье непотребство. Мы сошлись на том, что товарищ полковник по советской традиции порадовал нас незамысловатой казѐнной шуткой. К моему приезду *блзн* практически сошёл на нет. В дымоходе временами шуршало и подсвистывал только сквозняк.

Чтобы утешить меня хозяин показал скан со старой немецкой газеты. На фотографии в “*Revalische Zeitung*” был запечатлѐн вход с улицы в некий подъезд и слева от него вход... в оружейный подвал! Над подвалом окно с тяжѐлыми портьерами.

Всѐ вместе май 1942 года.

И тут выяснилось, что в первом этаже этого дома 31 декабря (с.с.) 1893 года родился известный политический деятель Германской империи, главный идеолог расизма Альфред Розенберг, автор “*Der Mythos des zwanzigsten Jahrhunderts*” («Миф XX века») — второй по значимости книги рейха после “*Mein Kampf*”. Именно так следовало понимать подпись под фотографией «*Portal des Geburthauses Alfred Rosenbergs In Reval Russtrasse, 4*».

Беглое знакомство с историей семейства Розенбергов оказалось весьма полезным, а особенно полезными оказались мелкие детали, — реперные календарные точки, которым охотники на мёрдок обыкновенно не придают значения.

Квартира небогатого семейства Розенбергов располагалась в первом этаже, ровно над оружейным подвалом. Отец *Woldemar Wilhelm Rosenberg* был остзейским немцем, уроженцем Риги, ремесленником. Мать *Elfriede Caroline Siré*, происходила из семьи переселившихся из Франции в Эстляндию гугенотов.

Забавно, что эстонцы, исследовавшие недавно происхождение Альфреда Розенберга, вообще не нашли в нём ни капли немецкой крови. Однако кровь не водица и дырочку для себя всегда найдёт: Розенберг жизнью и смертью доказал своё вполне арийское происхождение. Потому и неполиткорректную выставку в городском музее, посвящённую знаменитому земляку, быстро свернули.

Мать Альфреда умерла, когда ему было всего 2 месяца. Через 11 лет умер отец. Братьев Розенбергов растили тётки по отцовской линии Сессилия Розали и Лидия Генриетте. Кажется, Розали была страстной кошатницей, но ради воспитанников страсть свою обуздала.

Учился Альфред в реальном училище в Ревеле. Потом изучал архитектуру в Рижском техническом университете. Закончил Императорское московское техническое училище. В феврале 1918 года Розенберг вернулся в Ревель, где попытался поступить на службу в германский добровольческий корпус. На службу не был принят по причине слабого владения немецким языком (?!), что само по себе довольно странно. Недолго преподавал в ревельской мужской гимназии (ныне гимназия Густава-Адольфа) и в конце 1918 года перебрался в Мюнхен, где зарабатывал на жизнь писательским (!) трудом.

Розенберг в тюрьме *Kriegsverbrechergefängnis Spandau* после повешения.

В Мюнхене Розенберг сблизился с Адольфом Гитлером и в 1920 году вступил в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП).

В 1933 году Альфред Розенберг назначен начальником Внешнеполитического управления НСДАП и уполномоченным фюрера по контролю за общим духовным и мировоззренческим воспитанием в партии. В годы войны Розенберг был назначен рейхсминистром оккупированных восточных территорий. В ходе Нюрнбергского процесса был признан виновным в преступлениях против человечности и по приговору международного трибунала казнён.

Итого: есть три очевидных причины для воя — на 12 января по-новому стилю (31 декабря с.с.) приходится день рождения Альфреда Розенберга, 28-29 февраля он воеет по случаю смерти матери, а 16 октября 1946 года бывший рейхсминистр был повешен в тюрьме Шпандау.

Мне бы не хотелось делать из подъезда место поклонения нацистскому преступнику, но уж больно редкий, достоверно персонафицированный, исторически мотивированный слуховой мёрлок. Разумеется, при условии, что этот блазн действительно связан Розенбергом, а не с каким-то другим ненавистником кошек.

Однако у истории есть продолжение. Я не удержался от любопытства и напросился к приятелю волонтировать в подвале — продавать билеты и развлекать враньём иностранных туристов.

31 декабря прошло без приключений. В трубе отчётливо выло, что-то скрипело, царапало и, условно говоря, мяукало, раздавались смутные детские голоса. С улицы я поднялся на первый этаж в итальянскую trattoria и увидел по случаю наступающего нового года зал, полный людей. Дети резвились, родители царапали стульями деревянный пол. Рядом с лестницей на второй этаж в бывшей трубе выл сквозняк, и разве что кошки не шмыгали по лестнице. Что из этого было мёроком? Мяуканье? Поскребушки?

12 января я рассказывал туристам — американцам, немцам и французам историю Розенберга, но мёрок предательски не проявлял себя никак. Ну, не нравится ему, когда по новому стило. Через пару дней я возвращался после интервью с российским послом. В конце лестницы поскользнулся и упал спиной на острое ребро ступени. Корчась от боли на полу подвала орал так, что в подвал спустились синьоры из итальянского посольства взглянуть на источник воплей. Пару недель подвал был закрыт. Когда, наконец, я смог возобновить волонтерство, то в первое же утро обнаружил у двери литровую бутылку Rémi Martin, горлышко которой торчало из ночного сугроба. Бутылка откупорена и почата, но не критично, так, на пару пальцев, не более того. Чья проказа известно, тем более, что чужими руками.

Я всё могу понять, но в центре старого города ночью забыть в сугробе литровую бутылку Rémi Martin — невероятно для живого человека! Однако мне ничего не оставалось, как принять извинения.

* * *

Отсюда мораль: истории мёроков они не для всех.
Sic!